

Горечь потери

Русская литература без Бориса Можаева

Век. — 1996. — № 11. — С. 77.

Ал. МИХАЙЛОВ

Совсем, кажется, недавно я встретил Бориса Можаева во дворе Союза писателей, что на Поварской, он был весел, возбужден, в руках держал книжку журнала и, поздоровавшись, тут же объявил:

— Вот, смотри, журнал. Первый номер. И не шути, брат, я редактор. Дослужился на старости лет — свой журнал имею.

Разговор был на ходу, он торопился куда-то, и я даже не разглядел обложку и название журнала... Мимолетная встреча. Последняя.

И вот Можаева нет среди нас. Это тяжелая утрата. Для литературы, для еще оставшихся доживать свое земное немногих уже людей нашего поколения, для всех, кому дорога судьба Отечества и российской словесности.

Год назад он председательствовал на вечере в ЦДРИ, посвященном памяти Федора Абрамова. Тогда Борис Андреевич горько сетовал, что вот не удалось Федору осуществить очень большие замыслы, рано помер. Федор-то и познакомил нас, это было в 60-е годы. Абрамов приезжал из Ленинграда, непременно заходил ко мне: «Ну-ка, давай, земляк, звони Борису, пойдем в этот ваш ЦДЛ, с большими-то мужиками меня познакомите». Федор немножко играл. Этот тон игры, я заметил, установился и в отношениях между ними, по крайней мере на клубном уровне. И по этой части Можаев превосходил Абрамова, он был тароват на выдумку, не раз разыгрывал своего друга, иногда и небезобидно, на что тот досадливо отбрешился: «Отстань ты, Борисе, со своими московскими шуточками».

Интересно было во время этих застолий наблюдать и слушать, как полушутя, полусерьезно, на игровом уровне, но почти всегда метко давались характеристики «большим-то мужикам». И Можаев, и Абрамов были остры на язык, может быть, первый был поехиднее, более по-аввакумов-

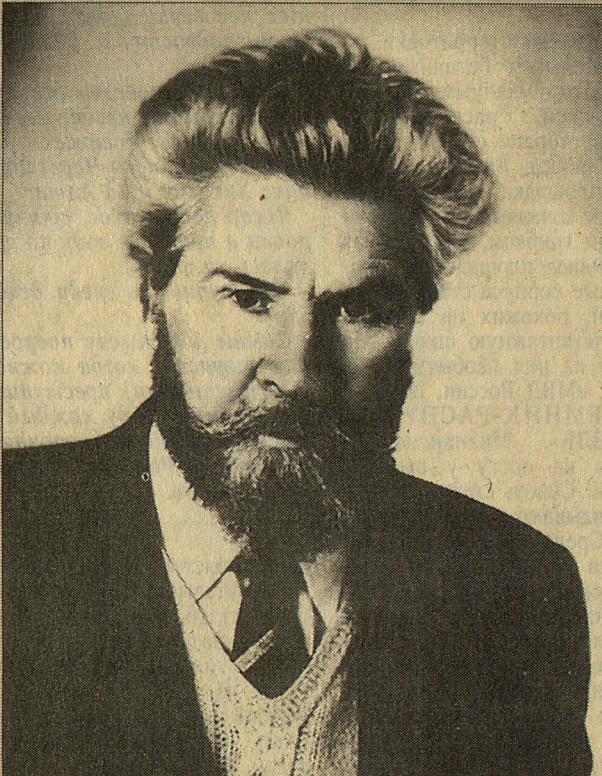
ски прямого и резкого питерца. Сближало их уважительное, взаимно высоко ценимое творчество каждого. Тут если уж возникал разговор, то ерничанью, клубным подковыркам не оставалось места. Оба хорошо знали деревню, обладали даром Божиим, понимали это и болели одною болью за судьбы страны, российского крестьянства.

раз Федора Кузькина. Не каждому даже очень талантливому писателю удается увидеть в жизни, выделить из массы людей и художественно сотворить в неповторимом облике новый литературный тип. Федор Кузькин — это не просто яркий, запоминающийся образ, это именно тип — продукт нового времени со всеми особенностями выживания крестьянина в эпоху советского крепостничества.

Спектакль Юрия Любимова в Театре на Таганке, поставленный по повести «Из жизни Федора Кузькина» в застойные годы, несмотря на запреты, стал событием в культурной и общественной жизни. Мне тогда пришлось присутствовать на одном из нескольких общественных просмотров спектакля на предмет его разрешения в присутствии секретаря ЦК КПСС Демичева. Разрешения и в этот раз не последовало, но именно благодаря таким «закрытым» просмотрам и запретам градус воздействия спектакля поднимался выше.

Кстати сказать, в годы цензурного притеснения Театра на Таганке Борис Можаев был его пламенным защитником. В его натуре было стоять за гонимых. Можаеву глубоко присуще было чувство справедливости, и он не убоялся в свое время признать правду А. И. Солженицына, не поддался развязанной властями кампании травли писателя.

Иногда Можаев мог показаться самоуверенным. Громкоголосый, не терпящий, чтобы его прерывали во время разговора, он воплощал в себе силу твердых убеждений. И когда наперекор шел — держался прямо, с достоинством. К характеру тут, видимо, прибавилась еще и выучка флотского офицера. Достоинство писателя и гражданина было стержнем его личности. Поэтому и в нынешнее время, когда многие писатели затеяли политические игрища, кто ухватил древко с красным флагом, а кто придинулся поближе к подножию трона, Борис Можаев остался самим собой. Остался Борисом Можаевым, с честью носившим высокий титул русского писателя.

Борис Можаев вписал свое имя в русскую литературу романом «Мужики и бабы», романом о трагедии русской деревни и ее наследников. Он и начал с очерков, в которых остроставил вопросы сельского хозяйства и жизни тружеников села. И до последних лет жизни писатель не оставлял забот о хлебе насущном для России, о селянле и хранителе ее — русском мужике, о хранительнице очага и великой труженице — женщине-крестьянке. Об этом его замечательная проза, повести «Полюшко-поле», «Полтора квадратных метра», «История села Брехово».

Выдающимся открытием стал об-